

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ю.С. Жариков

Законность как условие целесообразности уголовно-правового регулирования

Несмотря на важность обозначенной проблемы, в научной литературе по уголовному праву она не нашла своего достойного отражения [1]. Главный вектор предшествующих исследований был направлен на поиск целесообразности в сфере реализации охранительной функции уголовного права, при этом оставляя за рамками исследования его регулятивную направленность.

Истоки подобного восприятия исследуемого нами понятия имеют нормативный характер и впервые в уголовном законодательстве были сформулированы в УК РСФСР 1926 г., ст. 44 которого определяла, что «обязанность загладить вред возлагается на осужденного в случаях, если суд признает целесообразным, чтобы сам, именно, осужденный устранил последствия совершенного им правонарушения или причиненного потерпевшему ущерба». А в ч. 2 этой статьи определялись и правовые рамки подобной целесообразности – «эта мера социальной защиты не может, однако, превышать по своей тяжести меры социальной защиты, определенной приговором в качестве основной».

Так в дальнейшем получилось и в теории уголовного права. Ученые стали рассматривать целесообразность в аспекте реализации уголовной ответственности и наказания, связав ее с проблемами судебно-следственного усмотрения.

Однако с философской точки зрения целесообразность имеет более широкое понятие и представляет собой свойство процессов и явлений приводить к определенному результату, цели в широком или условном смысле слова [2].

Другими словами, целесообразность – это заложенное изначально в том или ином виде деятельности стремление достичь обозначенной цели, то есть идеального представления о должном, позитивном (положительном), определенными средствами, действие в направлении установленной цели.

Нас же интересует не столько общий, философский подход к определению целесообразности, сколько его уголовно-правовой аспект. При этом сложность задачи определения целесообразности в аспекте уголовно-правового регулирования связана с наличием нескольких неизвестных, без которых невозможно определить само понятие, уяснить содержание целесообразности, а также обозначить ее критерии.

Итак, если исходить из буквального понимания целесообразности, то здесь во главе угла стоят цели закона или регламентированные им цели деятельности. Именно они и обуславливают ее понятие и содержание.

Во-первых, это сами цели уголовного законодательства [3] и вытекающие из них цели уголовно-правового регулирования. Они, в свою очередь, непосредственно связаны с теми функциями, которыми наделено уголовное право. Это и предопределило наше убеждение, высказанное ранее, о необходимости обозначения в уголовном законе цели уголовно-правовой охраны, цели уголовно-правового регулирования и цели наказания (или в более широком аспекте, включающем в себя иные меры уголовно-правового характера – цели уголовно-правовой репрессии¹).

Во-вторых, исходя из определенных целей, станет возможным обозначить и детализировать конкретные задачи

¹ Нами термин «репрессия» употребляется исключительно в значении «наказание».

уголовно-правового регулирования, то есть ступени (этапы) достижения обозначенных целей. А значит, и те конкретные пути, которыми они могут быть достигнуты.

В-третьих, проблема определения понятия и содержания целесообразности уголовно-правового регулирования должна быть увязана с уяснением тех конкретных причин, которые порождают противоправные социальные процессы в обществе.

Другими словами, интересующая нас целесообразность должна заключаться в том, что уголовное законодательство в целом или конкретная норма уголовного права в частности должны воздействовать не столько на общественно опасный результат совокупности конкретных деяний в рамках определенного негативного социального процесса, сколько на причины, порождающие данный результат. В этой связи немаловажными являются два факта. Во-первых, для обоснования целесообразности уголовно-правового регулирования указанные причины должны иметь нормативный характер, то есть быть следствием итога упорядочения конкретных общественных отношений регулятивными отраслями права. Во-вторых, должна отсутствовать возможность дальнейшего совершенствования комплексного процесса упорядочения общественных отношений посредством регулятивных отраслей права или его охрана невозможна иными юридическими средствами.

В этом отношении нельзя полностью согласиться с точкой зрения П.С. Дагеля, который в свое время утверждал, что «нецелесообразность борьбы с какими-либо деяниями мерами уголовной репрессии может обуславливаться и тем, что их общественная опасность недостаточно осознана и среди большинства населения не выработалось отношения нетерпимости к ним» [4, с. 145–151]. Мы же как раз полагаем, что нельзя связывать целесообразность уголовно-правового регулирования исключительно с общественной опасностью деяния, при ее обосновании необходимо учитывать и противоправность, но не противоправность, заложенную в качестве признака в

понятие преступления, а противоправность, непосредственно связанную с нарушением в результате указанных деяний норм регулятивных отраслей права.

Вызывает возражение и утверждение автора об условии уголовно-правового регулирования, сформулированное им в последней части приведенной выше цитаты. Если согласиться с П.С. Дагелем, то тогда следует отменить уголовную ответственность за самые распространенные преступления, например, за кражу, которая является самым массовым и самым интенсивно растущим преступлением.

Рассматривая состояние, структуру и динамику краж в России, профессор В.В. Лунеев отмечает, что за последние 30 лет, и особенно с середины 60-х годов, кражи в СССР (а потом и в России) интенсивно росли. К 1991 г. их абсолютное число увеличилось в 9,5 раза (кражи личного имущества – в 9,2 и государственного – в 10,2 раза), это при том, что вся преступность за это время увеличилась в 5,6 раза. Доля краж в структуре преступности 1956–1987 гг. колебалась в пределах одной трети (то есть кражи росли пропорционально всей преступности). За три года до распада СССР удельный вес краж подскочил до 55,2%. Особенно интенсивно росли кражи автомобилей (с 1967 по 1990 г. они увеличились в 27,4 раза). И в этом случае прирост приходится на последние три года [5, с. 250].

Анализ статистических данных первых 8 лет XXI века о зарегистрированных в Российской Федерации преступлениях также показывает, что криминологическая картина не изменилась – кражи по-прежнему составляют более 40% от всех совершаемых в стране преступлений.

Да и ее восприятие населением вполне терпимо, что, к примеру, подтверждают народные поговорки: «Не украдешь – не проживешь»; «От сумы да от тюрьмы не зарекайся».

Последний пример как раз наглядно и показывает – если воздействовать лишь на результат обозначенного социального процесса, то эффективность уголовно-правового регулирования

ния будет минимальной. Преправив дорогу одному негативному его проявлению, тут же следует ожидать другой формы аналогичного общественно опасного поведения, соответствующей не столько изменившейся социально-экономической ситуации, сколько создавшейся ввиду изменений уголовного законодательства правовой обстановке. Подобных примеров в истории уголовно-правового регулирования множество. Это показывает как раз отечественный опыт регулирования ответственности за ту же кражу или многолетние попытки обеспечения охраны прав потребителей уголовно-правовыми средствами. Начало последнему процессу было положено Уголовным кодексом РСФСР 1926 г. Именно в него впервые был включен ряд положений, предусматривавших уголовную ответственность за различные нарушения в сфере торговли. В частности, ст. 171 УК РСФСР 1926 г. «Обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов», ставшая, по нашему мнению, прообразом последующих уголовно-правовых норм в указанной сфере.

Обозначенный подход к уголовно-правовому регулированию общественных отношений в сфере торговли продолжила ст. 156 УК РСФСР 1960 года – в первоначальной редакции «Обман покупателей». Она предусматривала ответственность уже за более обширный перечень нарушений в сфере торговли – «обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен, обсчет или иной обман покупателей в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания», причем без каких-либо материальных последствий. Но товаров в магазинах от этого не прибавилось, да и в торговле порядка больше не стало. Тем не менее в 1993 г. законодатель, изменив название указанной статьи посредством замены «покупателей» на «потребителей», расширил перечень

лиц, подлежащих уголовной ответственности за соответствующие действия. К ним на уровне закона¹ были причислены уже не только работники торговли, но и граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью в сфере оказания услуг. В первоначальной редакции действующего УК также содержались положения об ответственности за обман потребителей, сформулированные в ст. 200 УК. Однако в ней законодатель, наоборот, пошел по пути сужения рамок уголовного преследования, обозначив в качестве квалифицирующего признака основного состава причинение минимального ущерба в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда. Но даже подобная редакция в современных условиях была признана нецелесообразной и Законом от 8 декабря 2003 г. указанное преступление совершенно справедливо было исключено из УК. Вопрос о необходимости подобного специального состава возникал еще в 70-х годах прошлого века. Так, Пленум Верховного Суда СССР № 2 от 14 марта 1975 г., разъясняя трудности судебной практики по делам об обмане покупателей и заказчиков, указал, что действия лица, производящего расчеты с гражданами в иных учреждениях, предприятиях, организациях, нежели те, что упомянуты в ст. 156 УК РСФСР (ст. 200 УК), и совершившего обман, должны квалифицироваться как мошенничество. Тем самым Суд фактически признал возможность уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере оказания потребительских услуг не специальной, а общей нормой уголовного закона, что и было сделано значительно позже, но уже на законодательном уровне.

Данный пример наглядно показывает – как бы полно ни пытался законодатель обеспечить охрану указанного вида отношений, какие бы суровые наказания ни предусматривались за нарушение установленных запретов на первоначальном

¹ Практика расширительного толкования предписаний ст. 156 УК РФ по кругу субъектов существовала и ранее. См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 14 марта 1975 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков».

этапе уголовно-правового регулирования, постоянные изменения социально-экономической факторов вынуждали его расширять и сферу запретов, что в конечном счете привело к созданию нецелесообразной уголовно-правовой конструкции. Вектор охраны, первоначально призванный решить временные задачи, впоследствии ошибочно стал рассматриваться как постоянный. В то же время посредством применения указанной нормы велась борьба не с причиной отсутствия товаров в магазинах или низкого качества оказываемых населению услуг, а со следствием низкой эффективности социалистической системы хозяйствования. Это стало возможным, в том числе и благодаря отсутствию в уголовном законе четко сформулированных целей регулирования и охраны. Следствием указанной нецелесообразной уголовной политики стала продолжающаяся до настоящего времени конфронтация правоохранительных органов и населения, не осознающего логику действия власти.

Конечно, не вызывает сомнения тот факт, что в связи с принятием какого-либо регулятивно-правового акта, то есть при упорядочении правом сложившихся, возникших или возникающих общественных отношений, создается потенциальная потребность в охране предписаний отмеченного выше акта. Другое дело, какие из правоотношений будут выбраны в качестве приоритета охраны и какие правовые средства для этого будут задействованы. При этом неизменным должен быть один постулат – в перечне указанных средств уголовно-правовой охране надо отводить исключительное место. Такое явление, как уголовно-правовая охрана, должно являться последним аргументом в попытке воздействия на негативные тенденции, которые, согласно правовому прогнозированию или анализу юридической практики, может вызвать соответствующий правовой акт. Наиболее целесообразным вариантом развития института юридической ответственности будет наделение уголовного законодательства ролью дублирующего правового средства, обеспечивающего реализацию охраня-

тельного потенциала других отраслей права. В большей степени это относится к дополнению административно-правовых предписаний или запретов. В предлагаемом варианте механизм охраны будет иметь логическую ступенчатую структуру и состоять из следующих звеньев: правовая норма, непосредственно регулирующая общественные отношения; охранительная норма этого же нормативного акта; административно-правовая охранительная норма (норма КоАП);

Предлагаемая точка зрения на целесообразность уголовно-правового регулирования подтверждается как конституционными принципами справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод конституционно значимым целям (преамбула; ст. 55, ч. 3), так и нормой, сформулированной в ч. 2 ст. 14 УК.

По мнению Конституционного Суда РФ, сформулированное в определении Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» значение указанных положений состоит в том, что декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона, либо ограничения объема уголовно-правового регулирования в результате законодательного признания какого-либо деяния не представляющим общественной опасности, свойственной именно преступлениям, и влекущим на данном основании административную или иную, более мягкую, ответственность.

Таким образом, возникает необходимость в определении

целесообразности не столько уголовно-правовой нормы как способности «законодателя в нормах уголовного закона закреплять наиболее эффективные средства противодействия преступности» [6, с. 94–106], сколько комплексного регулятивно-охранительного подхода к упорядочению общественных отношений.

Подобный взгляд на целесообразность с позиций общетеоретических правовых обобщений мы находим у В.С. Афанасьева. Он как раз и предлагает рассматривать изучаемую нами дефиницию в более широком аспекте – в аспекте правового регулирования, понимая под ней «необходимость выбора строго в рамках закона наиболее оптимальных, отвечающих целям и задачам общества вариантов осуществления правотворческой и правореализующей деятельности (поведения)» [7, с. 213].

Примерно таких же взглядов на целесообразность в праве придерживается и А.Д. Бойков. Придавая ей значение принципа правотворчества автор не ограничивает содержание целесообразности лишь выбором альтернативных законодательных решений, определением способов и пределов правового регулирования, а рассматривает ее и в качестве условия правоприменения [8, с. 191–192].

Особого внимания заслуживает позиция П.А. Фефелова, связывающего целесообразность уже уголовно-правового регулирования с целями и задачами уголовной политики и борьбы с преступностью [9, с. 86–90]. Полагаем, что хотя уголовная политика, как и любая иная разновидность политики государства, несомненно, воздействует на состояние законодательства в государстве, ограничивать целесообразность уголовно-правового регулирования только лишь волей государственной власти нельзя. В этом аспекте важнейшее значение, как мы отмечали выше, имеет и регулятивное законодательство, и социально-экономическая необходимость, а также международные политико-правовые обязательства Российской

Федерации в сфере противодействия отдельным, наиболее актуальным видам преступлений.

С учетом сказанного полагаем, что под целесообразностью уголовно-правового регулирования следует понимать необходимость обеспечения эффективной охраны общественных отношений, упорядоченных регулятивными отраслями права средствами уголовного закона и в соответствии с целями и задачами, стоящими перед ним в каждый конкретный момент общественного развития.

Предлагаемое определение отличается от существующих в теории, прежде всего, присутствующей в нем связью в формате уголовного закона таких категорий, как «необходимость» и «эффективность».

Таким образом, целесообразен лишь тот закон, та правовая норма, которые не только направлены на достижение целей и задач регулирования, но и соответствуют требованию эффективности, то есть призваны с максимальной рациональностью воздействовать на конкретные общественные отношения в целях их упорядочения. Применительно к уголовно-правовому регулированию этот тезис означает свойство уголовного закона достигать максимального сдерживающего социального эффекта минимальной уголовной репрессией.

При этом полагаем, что единое понятие целесообразности имеет весьма условное содержание, поскольку разнообразие целей институтов уголовного права предполагает и необходимость определения частных понятий целесообразности – целесообразность уголовно-правовой охраны, целесообразность уголовно-правового регулирования, целесообразность уголовно-правовой репрессии. Более того, если в отношении первых двух видов целесообразности можно говорить как об объективных категориях, то последняя разновидность целесообразности представляет собой явную субъективно-объективную категорию. Объясняется это тем, что при ее формулировании невозможно обойтись без учета личностных ха-

рактистик осужденного. Это всегда будет дефиниция со многими переменными величинами. В данной связи для определения ее содержания необходимо обозначить лишь возможные объективные аспекты обеспечения социальной защиты – виды и размеры наказаний, общие правовые подходы к их назначению и освобождению от них, пределы судейского усмотрения и пр. Что же касается целей охраны, то они вполне объективны и должны состоять в обеспечении уголовно-правовыми средствами нормальной (предусмотренной самим законом) реализации юридических предписаний нормативных актов регулятивного свойства.

Другой немаловажный фактор целесообразности, заложенный в ее отраслевом определении, – четко определенный временной период действия уголовно-правовой нормы. Она (норма) может присутствовать в УК постоянно только тогда, когда этого требует охрана общепризнанных человеческих ценностей, обозначенных в Конституции РФ, – права на жизнь, здоровье, собственность, и, наоборот, вводиться на определенный период времени, обозначаемый в соответствующем законе о дополнении Уголовного кодекса конкретной правовой нормой. Пока такой подход в уголовном законе наличествует лишь в отношении преступлений в отношении военной службы, совершаемых в военное время либо в боевой обстановке (ч. 3 ст. 331 УК). Мы же предлагаем распространить данную законодательную практику и на другие виды преступлений, существенно зависящих от внешних факторов состояния и развития общества и государства, поскольку «эксплуатация» нецелесообразных норм более вредна, чем отсутствие в конкретных моментах целесообразного нормативного предписания.

Данное утверждение автора следует обосновать, в частности, историческим анализом уголовного законодательства. Так, в годы Великой Отечественной войны уголовно-правовое регулирование осуществлялось не только Уголовным кодек-

сом, но и рядом нормативных актов чрезвычайного характера. В этой связи заслуживает внимания Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Названные в Указе лица подлежали смертной казни через повешение, а пособники из местного населения карались ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Приведение в исполнение приговоров о смертной казни предписывалось «производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину».

Поскольку в анализируемом нормативном акте не был определен временной период его действия, то оно осуществлялось еще долгое время после окончания войны, хотя с формальной точки зрения целесообразность применения данного Указа отпала. Это привело к массовым нарушениям законности уголовного преследования лиц, совершивших особо опасные государственные преступления, поскольку применение положений рассматриваемого нормативного акта осуществлялось не на основе буквального толкования его смысла и содержания, «а во исполнение предписаний центральных органов исполнительной власти, руководствовавшихся в основном политическими соображениями» [10, с. 10].

Немаловажное место в оценке целесообразности уголовно-правового регулирования занимает и анализ необходимости отдельных норм уголовного закона. Если предписания какого-либо нормативного акта как нарушали, так и продолжают нарушать, несмотря на принятые по этому поводу охранительной нормы Уголовного кодекса, то это свидетельствует о нецелесообразности последней ввиду низкой эффективности

запрета. Значит, законодатель выбрал неверный приоритет правоохраны. Не выявил истинных причин, породивших негативное, общественно опасное деяние. В этом отношении большее внимание следует уделять научному прогнозированию в сфере уголовно-правового регулирования. При этом оценка целесообразности охранительной нормы должна проводиться только в комплексе с подобной оценкой всего регулятивного и репрессивного потенциала уголовного закона.

В качестве примера можно привести систему норм, предусматривающих уголовную ответственность за загрязнение атмосферы, сформулированных в ст. 251 УК. Несмотря на чрезвычайную актуальность экологической охраны, в том числе и уголовно-правовыми средствами, в Российской Федерации, по мнению А.Я. Сухарева, сложилась парадоксальная ситуация: «при нарастании экологического кризиса наблюдается атрофия и разбалансированность государственного контроля и управления, при росте числа правонарушений и злоупотреблений просматривается линия на затухание судебного-правового реагирования» [11, с. 6].

Данное утверждение вытекает из анализа правовой статистики. Так, несмотря на то что ежегодно к административной ответственности за загрязнение атмосферы привлекается более трех тысяч правонарушителей, подобных преступлений регистрируется в 100 раз меньше – около 30–40 на всю страну [12, с. 352].

В чем же причина? Полагаем, что в самих уголовно-правовых нормах. В этой связи даже поверхностный анализ содержания рассматриваемой статьи наводит на неутешительный вывод – ее диспозиция, а в особенности санкция не способствуют достижению приоритетов, зафиксированных в ст. 42 Конституции РФ и ст. 3 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха». Более того, проблема целесообразности ст. 251 УК не может быть решена без разрешения общих проблем уголовного закона. Это,

во-первых, совершенствование системы наказаний, не связанных с лишением свободы. Так, из пяти видов наказаний, содержащихся в санкции ч. 1 указанной статьи, реально могут быть применены к виновному лишь три, да и те по своей карательной способности нельзя признать эффективным средством воздействия на криминогенную ситуацию. Более того, они по своей социальной результативности значительно уступают санкции ст. 8.21 КоАП «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха», в которой, например, предусмотрена возможность административного приостановления деятельности объекта – источника загрязнения атмосферы на срок до девяноста суток.

Во-вторых, требует совершенствования и диспозиция рассматриваемой статьи. В частности, следует конкретизировать название самой статьи, позаимствовав его у соответствующего закона (загрязнение атмосферного воздуха), поскольку статья имеет бланкетный характер, а также в диспозиции ч. 1 ст. 251 УК следует более конкретно обозначить виды (формы) общественно опасных деяний. Например, загрязнение атмосферного воздуха, а равно вредное физическое воздействие на атмосферный воздух, поскольку содержание именно данных деяний определено в упомянутом законе об охране атмосферного воздуха. Кроме того, в ч. 1 данной статьи требуется определить и минимальные вредные последствия указанных форм воздействия на атмосферный воздух. В качестве таких могут выступать последствия, неблагоприятно воздействующие на здоровье человека и (или) окружающую среду, но без последствий, перечисленных в ч. 2 и 3 настоящей статьи. Предлагаемая новация создаст правовые условия для более четкого отграничения уголовной ответственности от административной.

Следующим обязательным аспектом целесообразности уголовно-правового регулирования выступают ее критерии, то есть совокупность оценочных признаков.

Прежде всего, надо понимать, что о целесообразности уголовно-правовой нормы в частности и уголовно-правового регулирования конкретных общественных отношений в целом свидетельствует не количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за нарушение конкретной регулятивной нормы, а факт отказа граждан от ее нарушения – результаты общей превенции уголовного закона. Охранительная норма целесообразна, если количество правонарушений пошло на спад, даже при низком уровне (низкой частоте) ее применения. Другими словами, упор должен быть сделан не на репрессивное, а охранительное, превентивное уголовно-правовое воздействие. Выявить подобный внешний критерий целесообразности можно лишь экспертным путем. Для этого нужна не только уголовно-правовая статистика (ведь до принятия соответствующей охранительной нормы ее просто нет), но и статистика иных деликтов, которая, к сожалению, не ведется (за исключением административных правонарушений).

Внутренним критерием целесообразности является сопоставимость новой нормы с уже имеющимися, например, существующей общей нормой и вновь вводимой специальной нормой уголовного закона, а также приоритеты охраны. К числу последних критериев можно отнести:

- социальную значимость соответствующих общественных отношений;
- действительные, а не мнимые характер и степень общественной опасности противоправных деяний, требующих уголовно-правовой охраны;
- возможность предусмотреть социально-действенный спектр видов и размеров наказаний, а главное создать уголовно-правовые предпосылки для их практической реализации.

Так, например, относительно введения в уголовный закон специальной нормы, полагаем, что последняя может приниматься только в том случае, если общая норма не «справляется с порученным делом». В качестве удачных примеров соче-

тания общих и особенных норм УК можно назвать статьи, в которых установлена уголовная ответственность за различные виды хищений – хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК) и др. Несмотря на то что статистика показывает – количество преступлений, зарегистрированных по данным статьям незначительно (к примеру, за весь 2008 г. зарегистрировано всего 115 преступлений, связанных с хищением либо вымогательством наркотических средств или психотропных веществ), это не свидетельствует о низкой их «работоспособности». Наличие указанных норм в уголовном законе предоставляет правоприменителю применить к виновным более строгие виды и размеры наказаний, адекватные общественной опасности обозначенных деяний.

В то же время результаты изученных нами уголовных дел и опроса работников Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ свидетельствуют об отсутствии ошибок в квалификации деяний за совершение указанных преступлений, чему в немалой степени способствует не столько специальный объект охраны, сколько специфический предмет преступного посягательства, имеющий в каждом конкретном случае исключительную видовую характеристику – радиоактивные вещества, оружие, наркотические средства.

Но положение дел кардинально меняется, если речь заходит о тех специальных составах, в которых во главу угла дифференциации уголовной ответственности положен только объект охраны – жизнь, здоровье, правосудие, государственная власть. Поясним этот тезис на примере ст. 105, ч. 4 ст. 111, ст. 295 и 277 УК. При применении указанных составов уже не всегда, как в первом случае, удается добиться столь однознач-

ного результата. Например, при хищении оружия определенность характеристики предмета преступного посягательства установлена на законодательном уровне в ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», и правоприменителю для правильной квалификации достаточно сверить экспертным путем реальную характеристику указанного предмета с положениями данного закона. Аналогичным образом правоприменитель поступает и в случаях применения ст. 229 УК (см.: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах») и ст. 221 УК (см.: Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»).

В случае же разграничения убийства и посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК), требуется не только установить объективные обстоятельства преступления, но и определить в качестве обязательного признака субъективной стороны состава преступления цель действий виновного – воспрепятствование законной деятельности потерпевшего либо из мести за такую деятельность. Такая ситуация возможна, если правоприменительная деятельность следователя (дознавателя) и совершение интересующего нас преступления существенно разорваны во времени, к примеру, по причине отбывания наказания за совершение виновным первоначального преступления. Более того, к обозначенному моменту (акту мести за законную правоохранительную деятельность) потерпевший может уже и не работать в указанной в диспозиции ч. 1 ст. 295 УК должности. А если к моменту посягательства рассматриваемая деятельность впоследствии была признана незаконной? Эти и другие вопросы подтверждают всю сложность практической реализации положений ст. 295 УК.

Подобные проблемы присущи и преступлению, предусмотренному ст. 277 УК «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля».

В качестве примера можно привести одно из немногих уголовных дел о преступлении, предусмотренных указанной статьей, в рамках которого были установлены все фигуранты – заказчик, организатор и исполнители. Это уголовное дело по факту убийства в 2003 г. депутата Государственной Думы С. Юшенкова.

Как известно, суд в приговоре квалифицировал действия и заказчика, и организатора данного преступления по ст. 277 УК, с чем не согласен защитник заказчика данного убийства – адвокат Г.М. Резник. По его мнению, квалифицировано преступление не по той норме, по какой оно должно быть квалифицировано. Присяжные признали факт убийства, но не определили его причин. Между тем убит С. Юшенков был не за политику, а по мотивам соперничества за лидерство в партии и за контроль над финансовыми потоками.

Как видим, установить цель преступного деяния очень сложно. Даже несмотря на тот факт, что по указанному делу были с исчерпывающей полнотой установлены участники преступления и большинство из них активно сотрудничало со следствием. Поэтому правоприменитель (суд) поступает просто – квалифицирует деяние на основе должностного положения потерпевшего по специальной статье УК.

В этой связи полагаем, что целесообразнее было бы предусмотреть в данных статьях уголовную ответственность не за «посягательство на жизнь...», а за «покушение на жизнь и здоровье...», то есть сам факт действий виновного. В том же случае, если преступник совершит убийство или причинит вред здоровью соответствующему потерпевшему, то есть доведет умысел до конца, то его действия в этом случае следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных нормами главы 16 «Преступления против жизни и здоровья» и ст. 277 или 295 УК. А это автоматически приведет к назначению более строго наказания, адекватного по своим размерам тяжести содеянного.

Одним из критериев целесообразности выступает и репрессивное воздействие уголовного закона на общественные отношения. По нашему мнению, наказание или иные меры уголовно-правового характера должны оказывать действительный социальный эффект не жесткостью своей кары, а правовосстанавливающим воздействием. Потерпевший от преступления должен иметь реальную (персональную), а не мнимую (общую) уголовно-правовую защиту (выгоду) от реализации уголовно-правовой ответственности за деяния, совершенные в отношении него и причинившие вред или ущерб именно ему.

В связи с этим в уголовном законе сообразно целям необходимо определить критерии справедливости наказания не только в отношении виновного (как это сделано в ст. 6 УК), но и обязательно потерпевшего. В частности, в Уголовном кодексе должны найти свое отражение положения ст. 52 Конституции РФ. Их необходимо наполнить материально-правовым содержанием в части обязательств государства перед потерпевшими от преступлений, обеспечить компенсацию причиненного ущерба уголовно-правовыми средствами. В настоящее время подобных рычагов воздействия на виновных в уголовном законе предусмотрено недостаточно. Статьи 61, 75 и 76 УК, в которых определены рассматриваемые нами положения, имеют скорее поощрительную направленность и в большей степени содействуют реализации интересов именно виновного, чем потерпевшего. Они не всегда срабатывают при обеспечении интересов последнего. В качестве примера можно привести многочисленные нарушения прав потерпевших от дорожно-транспортных преступлений, связанных с возмещением ущерба, причиненного противоправными действиями виновных. Наиболее часто подобные случаи происходят в судебных заседаниях, когда подсудимый обещает добровольно возместить гражданский иск, суд, в свою очередь, на основании п. «к» ч. 1 ст. 61 УК признает подобные обещания обстоятельством,

смягчающим наказание, и назначает более мягкое наказание. В дальнейшем же осужденный отказывается возмещать имущественный или моральный вред, причиненный в результате преступления. В сложившейся ситуации у потерпевшего есть только один выход – обратиться с иском в порядке гражданского судопроизводства. Наше предложение создаст правовую основу в случае отказа от выполнения обещаний, признанных судом в качестве смягчающих, изменять первоначальное наказание в сторону ужесточения. В совокупности эта новелла позволит сформировать эффективный механизм уголовно-правовой охраны не только государственных и общественных интересов, но также прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений.

Подводя итог дискуссии о целесообразности уголовно-правового регулирования, следует отметить, что она представляет собой единство трех составляющих ее аспектов.

1. *Целесообразность, непосредственно связанная с нормотворчеством*, то есть определением необходимости создания общих, модельных уголовно-правовых отношений – правовой основы охраны общественных отношений посредством предписаний уголовного закона.

2. *Целесообразность, вытекающая из применения уголовно-правовых норм*. В этом случае ее параметры определяются сферой судейского усмотрения:

- при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера;
- при применении к несовершеннолетним мер воспитательного воздействия;
- при освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности;
- при освобождении осужденного от наказания.

3. *Целесообразность уголовно-правовых дозволений*, то есть предоставление гражданам возможности использовать положения главы 8 УК.

Каждый из указанных аспектов целесообразности имеет собственные четко определенные цели, но в общем они связаны с оказанием максимально возможного правового воздействия, с одной стороны, на конкретные негативные общественные отношения, преследуя при этом цель обеспечения надлежащего правового состояния законности в обществе, с другой – правовое воздействие на лиц, совершивших противоправные общественно опасные деяния. В последнем случае преследуются цели, определенные в ч. 2 ст. 43 УК, хотя и не всегда сочетающиеся с непосредственной реализацией самих наказаний.

Список литературы

1. *Бовсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002; *Бовсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве / Под ред. А.И. Марцева. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2004.
2. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1981.
3. *Максимов С.В.* Цель в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.
4. *Дагель П.С.* О принципе целесообразности наказания // *Правоведение*. 1962. № 1.
5. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М.: Норма, 1999.
6. *Бовсун М.В., Марцев А.И.* Целесообразность в уголовном праве // *Правоведение*. 2003. № 4.
7. *Теория права и государства* / Под ред. В.С. Афанасьева. М., 1997.
8. *Бойков А.Д.* Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве // *Законность в Российской Федерации*. Глава 12. М.: Спарк, 1998.
9. *Фефелов П.А.* Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970.

10. *Епифанов А.Е., Кукулиев Э.Р.* Наказание особо опасных государственных преступников в СССР. 1948–1956 гг. (историко-правовой аспект). Волгоград: Изд-во ВИЭСП, 2008.

11. *Сухарев А.Я.* Экологическая преступность: ее социальные корни и общественная опасность // Криминологические и правовые проблемы обеспечения экологической безопасности // Сб. науч. трудов. М., 1996.

12. Преступность, криминология, криминологическая защита / Под ред. А.И. Долговой. М.: Изд-во Российской криминологической ассоциации, 2007.